

A photograph of a sunset over a city skyline. The sun is a bright, glowing orb on the left side of the horizon, casting a long, shimmering reflection on the water below. The city buildings and two tall, thin towers are silhouetted against the orange and yellow sky. The water in the foreground is calm, with some darker patches of land or rocks visible. The overall mood is peaceful and serene.

Анатолий Смирнов

Всё что не названо

Стихотворения

Анатолий Смирнов
Всё, что не названо.
Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40941993

ISBN 9785449632623

Аннотация

«Всё, что не названо» — седьмая поэтическая книга члена Союза писателей России Анатолия Смирнова. В этой книге поэт следует многим тенденциям постмодернизма: до предела делает ясным поэтический язык — основой дискурса является отдельная лексема, а не словосочетание-троп; упрощает композицию стихотворений; прибегает к более схематичной наглядности образов. Но свойственное автору собственное философское понимание мира позволяет не разрывать связь с классическими традициями русской поэзии.

Содержание

1. Очумелые тучки	6
Хронос и Логос	6
Русский Ваня	7
1	7
2	7
Молния	9
О вреде подражания	10
Русский роман	11
Пушкин	12
Лермонтов	13
Либерал и консерватор	14
Чеховское	15
Ильич	17
Шалаш на озере Разлив	18
«Седлает Копёнкин с утра Пролетарскую	19
Силу...»	
Хармс	20
«князь мышкин и художник шишкин...»	21
Герой	22
Усы	23
Дадоны	24
«на перепутьи ночь над линзой льда...»	25
На издание переписки последнего русского	26

императора и его супруги	
«От рэпа и брейк-данса...»	27
«Время снами сплющено, леденеет высь...»	28
«Когда плывём в словесной глубине...»	29
2. Земной муравей	30
Время	30
Глобализация	31
Судьба президента	32
Про капусту	33
Постовой	34
Диалог	35
«На улице, лишь схлынет темнота...»	36
Утро понедельника	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Всё, что не названо Стихотворения

Анатолий Смирнов

© Анатолий Смирнов, 2019

ISBN 978-5-4496-3262-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Очумелые тучки

Хронос и Логос

Хронос и Логос, сбежав на свободу,
парочкой шли по небесному своду.
Хронос выклёвывал зёрна мгновений;
Логос от мыслей отплёвывал тени,
их шелухой осыпая саванны,
в коих стадами паслись обезьяны.

Эти зверьки в пожирании растений
брали губами и звучные тени,
брали, плевались повсюду тенями,
те прорастали в миру именами
и на полях именных растяжений
вновь вызревали колосья мгновений...

Установил Тот, Кто вечностью правит:
Хронос отнимет, а Логос добавит.

Русский Ваня

1

у Анастасии¹ пальчик
суровой ниткой обвязан²...
а в Успенском соборе мальчик
сегодня на царство помазан —
красивый да рослый Ваня,
воспитан и взгляд орлиный;
когда-то он Грозным станет,
но ныне почти невинный.

2

жизнь швыряла от трона до крупа,
от прозрений до злобства души...
много девушек царь перещупал,
много деток своих придушил,

¹ Анастасия Захарына – первая жена Ивана-IV.

² По русскому народному поверью, девушки, чтобы быстрее выйти замуж, обвязывали палец, на который надевают обручальное кольцо, суровой льняной ниткой.

много резал людишек для власти,
ещё больше и чаще зазря...
ах ты, Настенька, Настя, Настасья,
умерла – подменили царя!

Молния

Ломоносов с Рихманом ловили молнию
за сверкающий хвост и погиб Рихман,
измеряя электричества токи горние,
пока Ломоносов размышлял о минералах и шихтах.

Рихман верил: молния, птица с клювом острым,
требует заключения в клетку за блеск и вибро,
но она оказалась киллером «коза ностры»
с револьвером тридцать восьмого калибра.

О вреде подражания

Пётр-I гнул и нравы, и подковы,
а Павел-I гнул и гнал муштру,
и придушил его синклит дворцовый
за глупоподражание Петру:

До линий и углов немецких падкий,
в сородичей не веря ни хрена,
пытался Павел в прусские порядки
простор России уложить сполна.

Но был давно не в меру и не в пору
чужой мундир для воинства мужчин,
где Эверестом высился Суворов
и бить врага Кутузова учил.

Русский роман

небеса поля леса поляны
лещина помещики отчизна...
влюблена в евгения татьяна
но евгений – жертва нарциссизма:
знойно над собой как над цветочком
сохнет в скуке лепестки срывает
нет чтоб завести сынка иль дочку
пулю в грудь приятелю вбивает

бегство ницца тропы перевалы
желчь в лицо и вновь вокруг столица
где она – супруга генерала
высший свет звезда венера львица...
и евгений падает романно
в ноги к ней а с ним его харизма
но верна в супружестве татьяна
муж её – не жертва нарциссизма

Пушкин

«На свете счастья нет, а есть покой и воля.»
А. Пушкин

...историки к его обидам нижут,
мол, Пушкин шалым юношам в пример
был властью камер-юнкерством унижен,
другое дело – стал б он камергер.

Но тяготил любой капкан мундирный
его, певца свободы и любви
с умом провидца, с русской и всемирной
душой, со знойной Африкой в крови.

Что Гекерн, Бенкендорф, Дантес и доля,
глупцов вокруг терпеть иль не терпеть,
какой там выбор, – в мыслях только воля,
а если воли нет, то лучше – смерть!

Лермонтов

кусал доносков лёд подлючий,
глотал войны мертвящий сок,
к виску прикладывал падучей
звезды промёрзнувший кусок...

весь лёд, шипя, вздымался паром
туда, где небо, вечность, тьма...
ничто не остужало жара
его души, его ума.

Либерал и консерватор

Вот Родион Романович Раскольников,
производитель топорных покойников;
не профессионал и не любитель, —
просто топорный производитель;
героику, славы, власти искатель,
мятежник, топорный предприниматель...

А вот Порфирий Петрович следователь,
скрытных чувств и мыслей выведыватель;
барбос, ищейка, всё нюхающий в мире,
слуга государства в царской порфире, —
читает по жесту, по взгляду, по брови
преступные умыслы Порфирий Петрович...

А между ними закона пупок и экватор,
ибо первый – либерал, а второй – консерватор...

Чеховское

1

у Толстого в бороде полешко,
Горький ваксой вычернил усы,
ну а Чехов всё грызёт орешки
с белкой среднерусской полосы.

осень... сыро... под окном рябеет
жёлтым и бордовым лещина...
у калитки унтер пришибеев,
и в театр уехала жена.

2

хряснет в темя унтер пришибеев,
сунет под надгробную плиту
и в полку червей и скарабеев
станешь тем, чем не был на свету:

персть земли без страха и страданья,
пыль земли без боли и невзгод.
а душа, беспёрое созданье,
скаплет с гроба в ток подземных вод.

понесёт её кругами ада

сквозь бесчувствие, камень и века,
где одна надежда и отрада —
выйти к свету горлом родника.

Ильич

избегая города, двориков опричь,
в единично-общее вляпался Ильич.

уходил от сыщика, шедшего хвостом,
в единично-общее впёрся под кустом.

то ли человечесьё, то ли кобеля
единично-общее кучила земля.

почесала лысину крепкая ладонь:
«в общем единичное, ты – такая вонь!»

раскачаем общество, завоюем мир, —
спустим единичное в лагерный сортир!»

Шалаш на озере Разлив

Очумелые тучки над озером, иней, сквозняк октября...
Сталин лысину Ленину трёт в шалаше скипидаром,
чтоб ломота в подкорке прошла
и взметнулись пожаром
пролетарские мысли вождя
на Керенского и на царя.

У обоих усами сокрыты клыки, словно в ножны палаш.
Скипидарная мысль, скипидарные жирные ручки...
Перекоп... Беломор... Колыма... Очумелые тучки...
И не выдаст полиции
знающий фин волкдлакский шалаш.

«Седлает Копёнкин с утра Пролетарскую Силу...»

Седлает Копёнкин с утра Пролетарскую Силу,
с шашкой наголо вихрем летит на врагов...
Гладит наган, как бабу, в любви к революции милой
контуженный на голову Макар Нагульнов...

Вокруг – русская степь

и одна и та же людская фактура
но Шолохов смотрит с кургана, а Платонов – с Луны,
и «Поднятой целины» не понять без «Чевенгура»,
а «Чевенгур» не понять без «Поднятой целины».

Хармс

...и взнуздав словами мустанга абсурда,
уходил он от красных знамён и колонн,
но за волю к свободе, к наивности мудрой
был не раз то в тюрьму, то в дурдом заключён.

Где напыщенных маршей и од тарарамсы
над равниной летели в Коцит по косо́й,
среди фальши и хамства стал, всё-таки, Хармсом —
хищной шукой стиха, а не тощей хамсой.

«КНЯЗЬ МЫШКИН И ХУДОЖНИК ШИШКИН...»

князь мышкин и художник шишкин
в лесу ловили медведя
летел по небу ас покрышкин
на лес цилиндрами гудя

и мышкину заметил шишкин:
мы не поймаем медведя
всех распугал их ас покрышкин
на лес цилиндрами гудя

и шишкину ответил мышкин:
наверно хочет медведя
забрать на небо ас покрышкин
на лес цилиндрами гудя

Герой

Он был штурманом у лётчиков-налётчиков
на «ил-четвёртом» фрицам на беду,
с таких Берлин бомбили между прочим
в августе в сорок первом году.

Он к нам приезжал, толстенький, лицо овалом,
на груди – червонная звезда и орденских планок ряд,
герой Союза полковник Андрей Коновалов,
чьё имя носил наш пионерский отряд.
Из тринадцатилетних семиклассников
выше его ростом

 был каждый второй,
а он о том, как их дважды сбивали,
 рассказывал так спокойно и просто,
что сразу было видно – герой.

Усы

по саду в тёмные часы
порхают мотыльком
среди яблонь чёрные усы
под драным котелком

а в дебрях тьмы где сеть плетёт
меж трав челнок росы
бой гитлер с чаплином ведёт
за чёрные усы

Дадоны

Ощипали с российской истории перья,
опалили, довольные тушкой вполне
со слюной аппетита за кухонной дверью
жадно жарят её на бесстыдном огне...

И не видит их глаз, и не слышит их слух,
что нацелился в темя им новый петух.

«на перепутьи ночь над линзой льда...»

на перепутьи ночь над линзой льда,
и, как всегда, пошли мы не туда:
хотели в дом родной – попали в лес,
хотели к Богу – встретил мелкий бес,
хохочет, кувыркается в траве:
вам нет царя ни здесь, ни в голове...
встаёт рассвет... далёк ещё закат...
брысь, мелкий бес! потопаем назад...

На издание переписки последнего русского императора и его супруги

Под книжной обложкой собрание эпистол:
историк с дотошным вниманьем чекиста
по числам развёл, уложил на страницы
интимные чувства царя и царицы.

Теперь может каждый, как дыни и груши,
полапать ручищами царские души, —
что было любовью, ознобом и жаром,
в наш век обернулось базарным товаром.

Какие там тайны открылись?.. Не знаю:
я писем любовных чужих не читаю.

«От рэпа и брейк-данса...»

От рэпа и брейк-данса
Да прочей кутерьмы
В эпоху декаданса
Сворачиваем мы.

Фас государства гадок.
Культуры храм снесён.
Безверье и упадок
Свистят везде во всём.

Закон разбойной плетью
Взлетает над плечом.
Меж жизнью и смертью
Нет разницы ни в чём.

Сквозь выговор московский
Грядут к нам с ядом губ
И новый Мережковский,
И новый Сологуб.

«Время снами сплющено, леденеет высь...»

Время снами сплющено, леденеет высь...
Человек грядущего, где ты?.. Отзовись!

В центре ль, на окраине ль, век сомкнув в кольцо,
Из толпы измаянной покажи лицо!

В церкви ли, на площади ль в нас вдохни огонь,
Сущее и прошлое вскинув на ладонь!

Пушкина иль Пущина внук с линейкой «пра»,
Человек грядущего, вынь нас из вчера!

«Когда плывём в словесной глубине...»

Когда плывём в словесной глубине,
дай нам, Господь, без злобности и фальши
быть в ощущениях с веком наравне,
а в мыслях встать в грядущее подальше.

2. Земной муравей

Время

поверх авто, поверх голов
летит вдоль улиц лязг железный...
чем дальше в речь – тем больше слов,
чем глубже взгляд – тем шире бездна.

без дна, без крыши, без стены
ревёт широкое глубоко,
и мы струёю вплетены
в разгон всемирного потока.

в нём смерть пышна, в нём жизнь страшна,
в нём среди громов и молний тренья
неуловима тишина
Раскаянья и Откровенья.

Глобализация

от почв и песков, от трясин и плит
исходит дробящий звук —
и Запад не спит, и Восток не спит,
и Север не спит, и Юг;

глазами пантер тьмы ночей горят,
слоистые, как угли;
присыпаны тропы и в Рай, и в Ад
бессонницами земли...

Судьба президента

с вороньим взглядом, с косяным лицом,
с синюшной отмороженной душой
иудой, вором, злыднем, подлецом
идти по центру улицы большой.

вокруг одни кричат: – герой! герой!
другие же рычат: – мудака! мудака!..
стать для потомков яминой, дырой,
упрятанной в добротный саркофаг.

Про капусту

С пыхтеньем, с кряхтеньем и с хрустом,
пропитывая потом бельё,
рубил Березовский капусту,
рубил Абрамович капусту,
а нам не хватило её.

С тех пор уже долгие годы
по градам и весям страны
разносится голос народа:
– Отдайте мои кочаны!

Постовой

по ирреальной мостовой
шёл идеальный постовой, —

бил каблуками в пустоту,
плевался в бездну на мосту,

в угарных снах небытия
хранил свой город от жулья.

он шёл в закат, он шёл в рассвет, —
на португеее пистолет, —

не ел, не пил, не спал сей мент,
и им гордился президент.

Диалог

– Надоело мне тайны выведывать,
исповедовать ночи и дни;
брошу дом и пойду проповедовать
о грядущей любви меж людьми.
На бульваре, на рынке, на площади
силой Духа и волей Отца
буду жечь до мирского солошице,
позабывшие Небо сердца!

– Возмечтал о пророческом рубище
не допущенный к таинству месс?..
После первой же речи о будущем
из толпы загремишь в ИВС³!

³ ИВС – полицейский изолятор временного содержания.

«На улице, лишь схлынет темнота...»

На улице, лишь схлынет темнота,
в притир живут покой и суета.
Бронёй асфальта в землю врос покой,
а суета стучит в неё ногой...

Подошвами и скатами пласты
брони стирают люди суеты,
и каждый, суетясь в себе с собой,
протрёт её до ямы гробовой.

Утро понедельника

Грусть, растворённая в тоске,
течёт по сердцу в кове,
как струйка крови по щеке
из рассечённой брови.

Авто борзят, дома скользят,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.